

проявления противопоставления понятий «мы» и «они»⁴³. Не самосознание общинно-производственного быта (хотя это и фундаментальная основа размежевания), а самосознание, опосредованное через политическую организацию⁴⁴, непосредственно породило этническую атрибуцию каждой из ячеек полиструктурной политической системы. Посредством самосознания и противопоставления политическая форма воздействует на создание этнической атрибуции общества. При этом следует учитывать опосредованность самой политической организации условиями материального производства: «...из определенной формы материального производства вытекает, во-первых,— писал К. Маркс,— определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе. Их государственный строй и их духовный уклад определяется как тем, так и другим»⁴⁵. Сказанное о роли полиструктурной политической системы, повлиявшей на общее направление этнических процессов в Дагестане за последнее полтора тысячелетия, ни в коей степени не зачеркивает и древнюю исходную «этническую матрицу». Спонтанные явления типа этнической атрибуции мелких обществ по принципу их формального положения в общеполитической системе могли иметь место на позднем этапе в достаточной степени развитого, классового общества. Предложенная концепция не отрицает, но, напротив, предполагает и все остальные формы этнических процессов типа ассимиляции, инфильтрации и т. п.

Глубина этнической дифференциации соответствует степени автономности или позиции каждого из звеньев обрисованной выше политической системы — вступает в силу некий принцип коррекции; в данной статье мы ограничились его констатацией.

Нами рассматривался лишь один из аспектов этнического процесса, который исторически сложился в Нагорном Дагестане как культурная реакция на формы существующего у народов этого региона общественно-политического строя. Эта реакция проявилась как высоко интегрированное состояние основных черт культуры при одновременной четко выраженной дивергенции других черт, в результате чего создалась существующая этнолингвистическая ситуация. Часто цитируемое А. Чикобава высказывание П. Услара, что «кавказские языки при изумительном разнообразии обнаруживают глубоко родственные черты»⁴⁶, касается не одного лингвистического, а этнокультурного состояния в целом, которое является внешним отражением общественно-политической системы региона.

⁴³ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 24.

⁴⁴ Куббель Л. Е. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 136.

⁴⁵ Маркс К. Теории о производительном и непроизводительном труде // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 279.

⁴⁶ Чикобава А. Узловые вопросы исторической фонетики иберийско-кавказских языков // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси. 1974. № 1. С. 75.

Г. С. Киселев

**О РОЛИ ВЛАСТИ В ГЕНЕЗИСЕ
КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА
[на материале доколониальных обществ
Тропической Африки]**

Проблемы, связанные со спецификой образования и характера докапиталистического классового общества вне Европы, вызывают неослабевающий интерес отечественных историков. Надо сказать, что само существование такой специфики в целом уже не является ныне дискус-

сионным. Марксистская историческая социология во многом преодолела преобладавшую одно время тенденцию фактического отождествления исторических путей тех крупнейших историко-культурных общностей, которые принято условно обозначать как «Восток» и «Запад». Однако содержание упомянутой специфики раскрыто еще далеко не полностью. Так, хотя особая роль власти во всем комплексе социально-экономических и культурно-идеологических отношений на Востоке в целом общепризнана, социально-экономическая природа власти в целом остается до сих пор во многом в тени. Сказанное, в частности, относится к вопросу о месте власти в генезисе антагонистического типа социальной связи, возникновение которой и ознаменовало собой переход ко вторичной формации. Некоторым аспектам этого вопроса посвящена данная статья.

Чтобы исследовать зарождение общественного антагонизма, нужно в первую очередь обратиться к экономическому строю общества, т. е. к системе (совокупности) производственных отношений как основе его воспроизводства. Известно, что К. Маркс употреблял для обозначения такой совокупности понятие «форма собственности»¹. Весьма важно подчеркнуть, что это понятие вводилось в ходе анализа исторического процесса смены определенных форм общественного производства; под «собственностью», таким образом, Маркс понимал здесь исторически определенную систему производительных сил². Разработав новый подход к категории «собственность», Маркс показал, что отношения собственности всегда конкретны, отражая реальные общественные формы производства. Поэтому эволюцию последних нужно рассматривать как процесс возникновения, развития и разложения различных форм собственности. Процесс, о котором идет речь, можно расценить как постепенное выделение частного присвоения средств и условий производства из совокупности производственных отношений, в результате чего такое присвоение все больше приобретает качества частной собственности.

В то же время, говоря о частной собственности, Маркс отмечал, что она «представляет собой своего рода власть», и поэтому называл ее «властью собственности»³. Эта идея Маркса очень важна для настоящей работы, так как она ставит принципиальный вопрос о собственности и власти как о двух различных, но не противопоставленных категориях. Если данный вопрос был поставлен по отношению к капиталистическому обществу, где частная собственность «не обязана своим происхождением политическому господству»⁴, то тем более он важен для обществ докапиталистических, где отношения собственности в той или иной форме всегда основаны на политическом господстве, т. е. на отношениях властвования.

В современной марксистской науке об обществе категория «собственность» применительно к докапиталистическим восточным обществам является одной из наименее разработанных⁵. Поэтому все споры о формационной принадлежности афро-азиатских обществ докапиталистической эпохи и упираются так или иначе в вопрос о том, в чьей же собственности находились там условия и средства производства. В последнее время были предложены новые подходы к этой сложной проблематике. Так, Ю. И. Семенов ввел понятие «обособленная собственность» применительно к парцелле, стремясь оттенить уже не об-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 65 сл.; Т. 46. Ч. I. С. 461 сл.

² См.: Столяров П. П. Вопросы теории и исторического развития форм собственности в работах К. Маркса. Киев, 1970. С. 47; Тер-Акопян Н. Б. Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине // Марксизм и международное рабочее движение. М., 1973. С. 178.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 297; см. также Чешков М. А. Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. М., 1979. С. 8.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 299.

⁵ «В нашей литературе,— справедливо заметил, например, в этой связи Л. Е. Куббель,— нет общепризнанного определения понятия „собственность“, хотя практически все авторы исходят из того, что собственность — это прежде всего отношения между людьми» (Куббель Л. Е. Сонгайская держава. М., 1974. С. 257).

шественный, но еще и не антагонистически-частный характер ее присвоения⁶. Ю. И. Семенов предложил и широкую трактовку понятия «частная собственность»: «Отношение между двумя частями общества, одна из которых является полным или верховным собственником средств производства, а другая либо полностью лишена средств производства, либо выступает лишь подчиненным их собственником». Отсюда и вводимое им понятие «верховная частная классовая собственность»⁷. Л. С. Васильев выдвинул идею о «власти-собственности как об особом раннем типе собственности, неразрывно связанной с отношениями властвования, господства-подчинения»⁸.

Рамки статьи не позволяют дать критический разбор упомянутых точек зрения⁹. Отметим лишь, что в целом проблема категории «собственность» применительно к докапиталистическим несвропейским обществам все еще остается весьма неясной. Между тем ясность в методологическом вопросе о содержании этой категории совершенно необходима для изучения (особенно в сравнительно-историческом плане) докапиталистических социальных организмов. В этой связи следует, как представляется, прежде всего обратиться к разработке данной проблематики Марксом.

Типология отношений собственности в широком смысле на докапиталистических стадиях развития разрабатывалась Марксом в ходе общего исследования докапиталистических способов производства. Естественное единство производителей с природными и социальными условиями их воспроизводства, которое могло существовать только в их общественной форме, — вот исходная точка, откуда Маркс начинает свое исследование социальной истории человечества¹⁰. Понятно поэтому, что он обращается к общине непосредственных производителей — первичному типу социальной. Правда, во второй половине прошлого века, как мы теперь знаем, были известны только сравнительно недавние типы общин; неясным оставалось еще и соотношение семьи, рода, его подразделений и общины. Но для принципиальной постановки вопроса это было не столь важно.

Принципиально важным было положение о том, что на докапиталистических стадиях развития община (человеческий коллектив) представляла собой природную, т. е. естественно-социальную, общность¹¹, через посредство которой и были лишь возможны присвоение индивидуум условий и средств производства, а следовательно, и само произ-

⁶ Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Ставновление классов и государства. М., 1976. С. 39.

⁷ Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974. С. 240; см. также его же. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980. С. 111.

⁸ Васильев Л. С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 60—99.

⁹ Подробнее см. Киселев Г. С. Доколониальная Африка: формирование классового общества (состояние проблемы и перспективы ее разработки). М., 1985. С. 34—35, 57—62.

¹⁰ «В объяснении нуждается (или результатом некоторого исторического процесса является), — писал Маркс, — не единство живых и деятельных людей с природными, неорганическими условиями их обмена веществ с природой и в силу этого присвоения ими природы, а разрыв между этими неорганическими условиями человеческого существования и самим этим деятельным существованием, разрыв, впервые полностью развившийся лишь в форме отношения наемного труда и капитала» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 478).

¹¹ Поскольку главной задачей Маркса в «Формах...» было показать то главное, что объединяет докапиталистические формы социальности и противопоставляет их буржуазному строю, постольку он говорил о естественной природе всех типов общин. При более же конкретном подходе к выделенным им трем типам общины (и трем формам собственности) становится очевидным, что степень их единства с природными и социальными условиями воспроизводства была существенно различной: в «античной» и «германской» общинах появилось в отличие от «азиатской» частное присвоение и частное воспроизводство. Поэтому ниже понятие «естественно-социальная общность» будет употребляться только по отношению к «азиатскому» типу.

водство. Община непосредственно выступала как общественная форма производительных сил. Она была, как считал Маркс, первой великой производительной силой, обеспечивавшей «воспроизводство образующих общину индивидов как собственников»¹². Такая общность выступала, по мысли Маркса, необходимым природным (естественным) условием существования человека «точно так же, как его живое тело, воспроизводимое и развиваемое им, первоначально создано не им самим, а является *предпосылкой* его самого»¹³. Она в то же время выступала и в качестве первой предпосылки «присвоения людьми объективных условий как их жизни, так и той деятельности, при помощи которой эта жизнь воспроизводится и облекается в предметные формы»¹⁴.

Воспроизводство материальных условий существования человека (экономический процесс в широком смысле) происходило, как следует из размышлений Маркса, только через процесс присвоения естественных условий труда (прежде всего, конечно, земли) посредством и в рамках общины. «Собственность» поэтому, писал Маркс, «означает... первоначально не что иное, как отношение человека к его природным условиям производства как принадлежащим ему, как к своим собственным, как к *предпосылкам, данным вместе с его собственным существованием*, — отношение к ним как к *природным предпосылкам* его самого, образующим, так сказать, лишь его удлинненное тело»¹⁵. Таким образом, поскольку человек мог относиться к своим природным предпосылкам как к собственным только через общину, он также присваивал ее как неорганическое условие своей жизни и сам присваивался общиной. Поэтому экономический процесс приобретал здесь характер и форму отношений естественной общности, или непосредственно социальный характер, при которых главной целью воспроизводства являлся человек в его определенных отношениях к общине, а не создание богатства в вещной форме.

Другой принципиально важной мыслью Маркса была идея о том, что исходная, общинная основа «с самого начала имеет *ограниченный* характер, но с устранением этого ограничения она вызывает упадок и гибель»¹⁶. В «Формах, предшествующих капиталистическому производству» были, в частности, выделены три пути и три типа разложения первобытной социальности, связанные с ее трансформацией в «азиатскую», «античную» и «германскую» общины (с соответственной трансформацией «форм собственности»).

Мысль о разложении первичной социальности как об условии и факторе перехода к другим типам общины и присвоения была высказана Марксом и в набросках ответа на письмо В. Засулич. Здесь предполагалось, что «новейшей ступенью» архаической формации (т. е. первобытнообщинного строя), социальным организмом, в рамках которого уже был возможен переход к вторичной формации (т. е. зарождение антагонистической социальной связи), была община, названная им «земледельческой»¹⁷. Это была община, в которой уже поместилось разложение первичного, естественного типа присвоения вследствие выделения большесемейных групп и их участков (при сохранении общей собственности на основные земли). Однако такое выделение шло настолько медленно, что земледельческую общину можно, как заметил И. Л. Андреев, считать «самостоятельным типом»¹⁸. Весьма важно отметить, что сохранение в земледельческой общине естественно-социального типа общественной связи позволяет рассматривать эту общину как типологически единую с той, что в «Формах...» Маркс обозначил

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 483.

¹³ Там же. С. 478.

¹⁴ Там же. С. 463.

¹⁵ Там же. С. 480.

¹⁶ Там же. С. 475.

¹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 400—421.

¹⁸ Андреев И. Л. К. Маркс о месте общины во всемирной истории в набросках ответа на письмо В. И. Засулич//Сов. этнография. 1979. № 5. С. 6.

как «азиатскую», и, следовательно, определять характер экономического строя земледельческой общины при помощи понятия «азиатская форма собственности»¹⁹.

Отвечая на вопрос В. Засулич о возможных судьбах русской общины пореформенного времени, Маркс отмечал прежде всего дуализм этой общины, которую он считал «земледельческой», и намечал два пути ее разложения. Один путь вел, по его мнению, к появлению более или менее эмансипированных (т. е. выделившихся из общности) частных собственников, другой, обусловленный ее дуализмом, мог «служить для нее источником большой жизненной силы. Освобожденная от крепких, но тесных уз кровного родства, она получает прочную основу в общей собственности на землю и в общественных отношениях, из нее вытекающих...»²⁰.

Эта мысль Маркса позволяет поставить вопрос о том, что оба названных пути разложения естественно-социальной общности, какой оставалась земледельческая община, означали различные виды перехода ко вторичной, антагонистически классовой формации. Иными словами, речь здесь идет о том, что человечество, изжив первобытный строй, входило во второй этап своей социальной истории — во вторичную формацию — различными путями²¹. Принципиально важным представляется то, что типы собственности, характерные для названных путей, существенно различались. Какой тип был характерен для Востока? Каково было его содержание?

Маркс замечал, что в условиях начавшегося разложения исходной общинной основы «всего упорнее и всего дольше держится азиатская форма. Это заложено в ее предпосылке, т. е. в том, что отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине...»²². Как бы заранее предвидя возможное недоумение читателя²³, Маркс специально оговаривает то обстоятельство, что характерная для естественно-социальной общности форма собственности «может реализовываться самым различным образом. Например, ей несколько не противоречит то обстоятельство, что, как в большинстве *азиатских форм, объединяющее единое начало*, стоящее над всеми этими мелкими общинами, выступает как *высший собственник* или *единственный собственник*, в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные владельцы*. Так как это *единое начало* является действительным собственником и действительной предпосылкой общей соб-

¹⁹ О земледельческой общине как о естественно-социальной общности см. подробнее Следзевский И. В. Земледельческая община в Западной Африке: хозяйственная и социальная структура // Община в Африке: проблемы типологии. М., 1977. С. 61—75.

²⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 418. Эта мысль Маркса, хотя она и была высказана применительно к конкретным условиям России второй половины XIX в., имеет, как представляется, общетеоретическое значение. В последние годы своей жизни Маркс уделял проблемам общины особое внимание (см. Андреев И. Л. Рукописные страницы истории марксизма. Проблемы общины и рода. М., 1985). Ознакомившись с работами Маурера и Ковалевского, он убедился, что поздние общины, такие, как марка, прошли, как оказалось, в своем развитии стадияльно более ранние этапы (в частности, этап родовой общины). Поэтому общинная организация в целом все более явно выступала теперь как первичный тип социальности. Кажется вполне допустимым поэтому, что в набросках письма Засулич мы видим отражение идей Маркса, явившихся результатом общего углубленного теоретического анализа развития общины. Маркс, как верно заметил И. В. Следзевский, ставит здесь «проблему типологии общины, рассматривая ее в более общем контексте развития общественно-экономических формаций» (Следзевский И. В. Земледельческая община... С. 62).

²¹ Как известно, разработка идей, которые должны были теоретически обосновать специфику возникновения и развития классового общества в неевропейском мире, очевидную для Маркса и Энгельса еще в 40-х годах прошлого века, осталась в целом незавершенной классиками марксизма. Впервые сформулированные в 50-х годах (см. переписку Маркса и Энгельса: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 215, 221), эти идеи так никогда и не были детально разработаны Марксом на уровне формационной теории.

²² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 474.

²³ А такое недоумение действительно возникает из-за того, что Маркс не проводит четкого различия между категориями «азиатская» и «племенная» формы собственности.

ственности, то само оно может представляться чем-то особым, стоящим выше этого множества действительных отдельных общин, в которых каждый отдельный человек, таким образом, на деле лишен собственности...»²⁴.

Итак, присваивать условия и средства производства при «азиатской форме собственности» человек мог лишь через посредство верховной власти, сам, в свою очередь, присваиваясь ею. Речь здесь идет об отношениях, при которых, писал Маркс, «сами работники, сами живые носители рабочей силы еще непосредственно принадлежат к объективным условиям производства и присваиваются в качестве таковых...»²⁵. «Отношение индивида к условиям труда как к своей собственности... — пояснял он далее, — предполагает определенное существование индивида как члена племенного или общинного коллектива (собственностью которого он сам до известной степени является)»²⁶.

Идеи Маркса о характере собственности на Востоке были восприняты и применены при исследовании конкретных обществ наиболее молодой отраслью отечественной востоковедной науки — африканистикой. Это неудивительно: ведь наряду с другими районами земного шара именно Африка служит гигантской лабораторией, где в течение десятков лет проводятся полевые исследования общественных структур, находящихся на том или ином этапе перехода к классовому обществу, причем переход этот, как признано большинством африканистов, существенно отличается от хорошо известного европейского варианта.

В доколониальной Африке, как и на Востоке в целом, первичные классовые социальные организмы складывались в форме надобщинных, раннегосударственных образований. В таких образованиях правящий слой формировался постепенно из представителей родовой верхушки; их место в складывающейся иерархической системе должностей-титолов зависело, как правило, от места их линиджа (малого рода, или родовой группы), а иногда и возрастной группы (границы которой могли перекрывать рамки линиджа) в иерархии этих родовых и половозрастных структур. В ходе процесса классовообразования правящий слой все более отделялся от общин, концентрируясь вокруг верховной власти.

В результате исследования экономического строя африканской общины И. В. Следзевский выдвинул идею о том, что она относится к тому типу общин, которые Маркс определял как земледельческие и разложение (эволюцию) которых он связывал с переходом ко вторичной формации. Опираясь на методологический принцип анализа общинных форм, разработанный Марксом в «Формах...», И. В. Следзевский сделал следующий вывод: «В основе экономической организации традиционной африканской земледельческой общины... лежит особый социальный тип производительных сил (курсив мой.— Г. К.), вне которого не существует других (функционирующих) элементов производительных сил»²⁷. Иными словами, экономический процесс в целом имел здесь непосредственно социальный характер, совпадая с воспроизводством общины. Поэтому и производительные силы в общине совпадали с организацией воспроизводства человека в системе социальных отношений.

В качестве основного элемента (фактора) системы социальных производительных сил выступают, как полагает Ю. М. Кобищанов, ячейки производства как нерасчлененная форма экономического процесса²⁸. В рамках надобщинного образования функции присвоения ячеек производства превращались в особый вид организационно-управленческого

²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 463.

²⁵ Там же. С. 488.

²⁶ Там же. С. 485.

²⁷ Следзевский И. В. Земледельческая община... С. 107.

²⁸ Кобищанов Ю. М. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития//Африка. Возникновение отсталости и пути развития. М., 1974. С. 233 сл.

труда. В силу характера производительных сил экономические отношения в совокупном социальном организме также принимали характер и форму естественно-социальной общности, но опосредовались уже не только принадлежностью индивида к общине, но и принадлежностью самой общины к данному образованию. Поэтому отношения присвоения реализовались здесь уже как триединый процесс: 1) присвоения людьми природных условий производства, 2) присвоения человека общиной и 3) присвоения самих общин правящим слоем надобщинных образований²⁹.

Ряд советских исследователей африканских доколониальных обществ, изучавших формы присвоения, характеризующиеся его природными предпосылками и социальным характером экономического процесса, предложили определить эти формы как «владение»³⁰. Автор данной статьи попытался раскрыть содержание категории «владение» в ее целостности, опираясь на положение, согласно которому социальные различия по отношению к средствам производства (по месту в системе отношений собственности) не могут противопоставляться различиям по характеру труда (месту в системе разделения труда). Эти различия «образуют диалектическое единство, поскольку у них один источник: место отдельных групп людей в системе общественного производства, общественной организации труда»³¹. Отсюда был сделан вывод, что владение общинами выступало не только в качестве власти как таковой (в функции собственности), но и как форма присвоения³².

Каково экономическое содержание «властной» стороны владения (подобного нерасчлененного единства собственности и власти)? Какова, другими словами, социально-экономическая природа власти, обусловленная ее ролью в системе воспроизводства? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно прежде всего иметь в виду, что такая роль заключается в необходимости обеспечения самого воспроизводства, т. е. в необходимости соединения производителей со средствами производства. Поскольку в отличие от капиталистического докапиталистическое воспроизводство не имеет автоматического характера, власти как в рамках общины, так и надобщинного образования приходится осуществлять связь производителей со средствами производства каждый раз заново, выступая, таким образом, как «волевое начало воспроизводства».

При господстве отношений владения власть как волевое начало является формой присвоения человеком природных условий своего существования, с одной стороны, и присвоения человека коллективом — с другой³³. Власть над природой и над человеком имеет, таким образом, целостный характер, выступая в форме отношений господства-подчинения. «Благодаря нерасчлененности труда и его объективных предпосылок,— отмечал в связи с этим И. В. Следзевский,— сам индивид непосредственно принадлежит к объективным условиям общественного производства (т. е. воспроизводства других индивидов). Поэтому присвоение самого человека как условия производства неизбежно приобретает форму отношений естественной общности или господства-подчинения, опосредствуется личностными связями»³⁴. Именно отношения господства-подчинения, или внеэкономическое принуждение,

²⁹ «Непосредственными элементами присвоения становились,— писал об этом явлении И. В. Следзевский,— не земля или рабочая сила как таковые, а социальные роли и статусы, включавшие в себя материальные предметы, других людей и целые коллективы» (*Следзевский И. В.* Формирование социально-экономической структуры современной Нигерии. М., 1985. С. 121).

³⁰ См. *Кобищанов Ю. М.* Африканские феодальные общества. С. 249 сл.; *Следзевский И. В.* Земледельческая община... С. 95.

³¹ *Следзевский И. В.* Земледельческая община... С. 93.

³² *Киселев Г. С.* Доколониальная Африка. С. 65 сл.

³³ «Отношение господства,— писал Маркс,— выступает как существенное отношение присвоения... предпосылкой отношения господства является присвоение чужой воли» (*Маркс К. и Энгельс Ф.* Т. 46. Ч. I. С. 491).

³⁴ *Следзевский И. В.* Земледельческая община... С. 106—107.

являются здесь поэтому способом соединения производителей со средствами производства, составляя сущность всего общественного воспроизводства, или способа производства.

Подходя к категории «способ производства» как к синтезу целостных общественных воспроизводственных отношений, как к власти-собственности (т. е. собственности в широком смысле), следует обратить внимание и на то обстоятельство, что власть выступает не только как исходный фактор воспроизводства. В не меньшей мере она является и функцией управления, осуществляемой в самом *процессе* воспроизводства (вторая сторона присвоения). Иными словами, она не только осуществляет непосредственное соединение производителей со средствами производства, но и регулирует другие стороны воспроизводственного процесса: распределение, обмен, потребление.

В силу функционирования власти как исходного пункта системы воспроизводства ее деятельность выступает как ее объективная функция (социальная роль) в этой системе. А поскольку человек при господстве отношений естественной общности является, как уже говорилось, объективным условием воспроизводства, то и его деятельность также выступает как его социальная роль. В этих условиях важнейшей функцией власти становится распределение людей по ролям в системе воспроизводства (последнее поэтому выступает как жесткая ролевая структура). В доколониальных обществах Африки, где общественное разделение труда было сравнительно развитым, существовала уже целая иерархия деперсонифицированных социальных ролей, выраженных в системе статусов. При этом социальные роли высшего порядка включали в себя социальные роли низшего порядка. Так, роль верховного правителя воплощала объективную необходимость воспроизводства всего общества и, включая в себя все остальные социальные роли, являлась гарантом этого воспроизводства.

Исторически сложившаяся система социальных ролей отражала, таким образом, обособление различных групп в процессе воспроизводства, выразившееся в монополизации тех или иных общественных функций. Так складывалась система разделения труда, так обособлялись группы непосредственных производителей и организаторов воспроизводства, так появлялись предпосылки классовообразования.

Как изменялось экономическое содержание власти в африканских обществах, переходивших ко второй формации по «восточному» пути (т. е. в ходе модификации общественного строя земледельческой общины и включения ее в систему формировавшейся государственной власти в качестве ее социально-экономической основы)? Чтобы ответить на этот вопрос, следует прежде всего учитывать, что модификации подвергался господствовавший в естественно-социальной общности способ производства в целом (отношения собственности как синтез всех производственных отношений), раскрывавшийся в первую очередь в способе соединения производителей со средствами производства. Как и во всех докапиталистических обществах, способ соединения производителей со средствами производства в африканских обществах базировался на так называемом внеэкономическом принуждении. Различая две формы внеэкономического принуждения — естественную и земельную³⁵ — и обосновывая выделение естественной формы характерными для земледельческой общины нерасчлененностью земли и человека, конкретным характером труда и т. д., мы окажемся вынужденными признать, что содержание внеэкономического принуждения не могло здесь ограничиваться только отчуждением прибавочного продукта как способа увеличения материального богатства.

Западные и советские исследователи обратили внимание на характерный для первобытных и раннеклассовых обществ приоритет в общей системе ценностей не материального богатства, а престижа, поддержки

³⁵ Киселев Г. С. Доколониальная Африка. С. 35—36.

и признания со стороны других своей социальной роли человека³⁶. Это достигалось средствами, противоположными тем, при помощи которых создавалось вещное богатство, накопление здесь велось в целях раздачи произведенного продукта. В западной антропологии был в этой связи введен термин *reciprocity*, обозначающий необходимость эквивалентного обмена продуктами производства и деятельностью³⁷.

Таким образом, становится понятным, что общественное положение здесь определялось не богатством, а именно ролью в системе социальных позиций, т. е. социальной позицией в системе воспроизводства общества. Чем более важное место занимал человек в системе воспроизводства общества, чем ближе стоял он в этой иерархии к верхнему правителю, тем больший общественный вес и престиж он имел. Естественно поэтому, что отдельные представители знати стремились скорее не к накоплению материальных богатств, а к закреплению и повышению своего социального статуса. Отчуждение у общинника прибавочного продукта не сводилось здесь, таким образом, к созданию системы прибавочного труда. Прибавочный продукт перераспределялся исключительно в рамках патронажной системы, обеспечивавшей воспроизводство всего общества. Принципиальное значение в этих условиях имело поэтому не отчуждение прибавочного продукта (хотя, конечно, и оно в той или иной степени имело место), а та сторона отношений владения, о которой речь шла выше, — присвоение человека посетителями высших социальных ролей.

Можно, таким образом, предположить, что антагонистическая социальная связь складывалась в доколониальных обществах Тропической Африки в виде сложной системы, которую можно определить условным термином «система угнетения». Основное ее содержание составляло присвоение человека естественной общностью, персонифицированной в лице ее руководителей, выступавшее как решающий фактор нормального воспроизводства. В рамках этой системы существовали лишь предпосылки складывания эксплуатации как узкоэкономических отношений, находившихся в нерасчлененном единстве с отношениями угнетения.

Однако в ходе исторического развития появились возможности некоторого вычленения эксплуатации из этого единства. Автор данной статьи на материале доколониальной Африки показал, как вследствие складывания надобщинных структур в экономическом строе общества появились принципиально новые моменты, создавшие предпосылки для такого вычленения³⁸. Связанное с появлением невольничества и созданием собственных хозяйств отдельными представителями знати, это явление имело своим следствием персонализацию и, следовательно, изменение характера социальных ролей такого общества. По мере появления в традиционной системе разделения труда все большего места для лиц, чья занятость в совокупном труде по воспроизводству общества уменьшалась, первоначальный характер деперсонифицированных социальных ролей искажался. Лица, занятые в системе организации прибавочного труда, уже обладали некоторой независимостью от общества, имея возможность собственного воспроизводства вне своей социальной роли, вне рамок патронажной системы. Именно о такой модификации Маркс писал: «Если вместе с землей завоевывают самого чело-

³⁶ См., например, *Следзевский И. В.* Хаусанские эмираты Северной Нигерии. М., 1974. С. 14. О типологически сходном отношении к богатству в раннесредневековых европейских обществах см.: *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 28 сл.; *его же.* Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 225 сл.; *Васильев Л. С.* Социальная структура и социальная мобильность на традиционном Востоке // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблема социальной мобильности. М., 1986. С. 37 сл.

³⁷ *Polanyi K.* Primitive, Archaic and Modern Economies // Essays of K. Polanyi. N. Y., 1968. В западной науке был даже введен термин «престижная экономика»; (см., например, *Pearson H. W.* The Economy Has No Surplus. Critique of a Theory of Development // Trade and Market in Early Empires / Eds. Polanyi K., Arensberg C. M., Pearson H. W. N. Y., 1957).

³⁸ См. *Киселев Г. С.* Доколониальная Африка. С. 90 сл.

века как органическую принадлежность земли, то его завоевывают как одно из условий производства, и таким путем возникают рабство и крепостная зависимость, которые вскоре извращают и видоизменяют первоначальные формы всех общин, сами становясь базисом последних»³⁹.

Каков же был характер складывающегося нового базиса? Как влияли названные процессы на характер отношений владения? Складывалась ли система частного воспроизводства? В самом деле, ведь если в обществе появилась объективная возможность частного присвоения средств и условий производства (т. е. воспроизводства человека не как акциденции коллектива), то общественное присвоение, т. е. присвоение общин властью, должно было ограничить сферу своего господства, а в итоге, как это было в античном мире, и уступить первому место. Должен был, иными словами, измениться сам способ соединения производителей со средствами производства; в результате этого должны были разложиться отношения владения. А следствием этого, в свою очередь, было бы изменение (в ходе персонализации социальных ролей) природы социальной роли власти в ее прежнем качестве основного фактора воспроизводства общества.

Однако в доколониальной Африке этого не произошло. Основная причина данного явления заключалась в том, что субъектом зарождавшегося здесь частного присвоения и частного воспроизводства были сами посетители власти, причем — что наиболее важно — *единственным* их субъектом. Как раз из-за положения носителей власти в системе общественного воспроизводства элементы эксплуатации не могли сложиться в особую сферу социальных связей, существующую вне системы господствующих общественных отношений. Эксплуатация как новый тип социальной связи объективно должна была и дальше оставаться не более чем элементом системы отношений угнетения.

Именно это и составляло специфику начавшегося в наиболее развитых обществах доколониальной Африки процесса разложения земледельческой общины. Такое разложение, следовательно, шло по пути модификации отношений владения, которые в превращенной форме и составляли основу нового базиса.

Не входя в сферу социальных ролей представителей правящей верхушки, общины невольников («чужаков») объективно способствовали персонализации этих ролей: они находились в зависимости от конкретных лиц из окружения правителя или даже от него самого. В первую очередь среди этих лиц и появились, видимо, накопители — сначала продуктов материального производства, а потом и невольников⁴⁰.

Носители власти, таким образом, продолжали присваивать общины в то время, когда у них уже появился и частный интерес. Это было по существу частное присвоение и частное воспроизводство, воспроизводство частично уже вне рамок своей прежней социальной роли. Но — и сказанное следует особенно подчеркнуть — это было частное воспроизводство носителей власти, т. е. носителей общественно необходимой функции. Специфика данного явления заключается в том, что частное воспроизводство как бы «насаждалось» сверху, существуя в форме частного воспроизводства власти в то время, когда частного воспроизводства в рамках мелких хозяйств (парцеллы) еще не было. Господствующим типом присвоения поэтому оставалось общественное (как альтернативное частному). Появляющаяся «сверху» возможность

³⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 480.

⁴⁰ Это не должно вызывать удивления: несмотря на господствовавшее престижное потребление, распоряжение прибавочным продуктом невольников объективно порождало возможность для правящей верхушки распоряжаться и общинными фондами. «Расширились возможности,— писал о такой ситуации А. И. Першиц,— как для злоупотребления общинными фондами, так и для постоянного увеличения роли вождей, все более превышавшей их непосредственные возможности» (Першиц А. И. Начальные формы эксплуатации и проблема их генетической типологии//Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 61).

частного воспроизводства, как и сопровождавшие ее некоторое развитие товарно-денежных отношений и усиление наряду с социальным и имущественного неравенства, лишь дополняли отношения владения, а не разлагали их, модифицировали «азиатскую форму собственности», а не уничтожали ее. В то же время — и это очень важно — появление возможности частного воспроизводства обусловливало возникновение новых аспектов властных отношений, все больше основывавшихся на интересах эксплуатации непосредственных производителей. Власть по-этому в определенной мере теряла свой общественно необходимый характер и приобретала форму частного интереса, антагонистического по своей социальной сути.

С течением времени экономический строй общества земледельческих общин Тропической Африки хотя и чрезвычайно медленно, но неуклонно разлагался. В этом процессе играли роль и продолжающееся укрепление большесемейных хозяйств, и разлагающее влияние частного воспроизводства знати, и внешние обстоятельства — работорговля, войны. В таких условиях социальная роль власти, по-прежнему выступавшей в качестве единственного гаранта воспроизводства, неизбежно должна была видоизмениться. Подобная модификация должна была проявиться прежде всего в способе соединения производителей со средствами производства. С одной стороны, внеэкономическое принуждение сохраняло свою естественную форму (поскольку земля еще не выделена в сферу возмездных отношений), с другой же — объективно должно было измениться содержание волевого отношения господства. Действительно, в условиях, когда в обществе появилась принципиальная возможность частного воспроизводства, такое господство должно было сводиться к всемерному поддержанию единства человека и коллектива, т. е. к противодействию эмансипации производителя как индивида, оторванного от общины. Поэтому в процессе модификации отношений владения особую роль сыграла вторая их сторона — присвоение коллективом (уже на ранних стадиях развития персонифицированным в лице его главы) отдельного человека. Именно перенос акцента на присвоение человека в условиях, когда оно теряло свой объективно обусловленный характер, и составил специфику развивавшейся здесь антагонистической социальной связи.

Характерное для отношений владения жесткое закрепление за человеком его социальной роли уже само по себе представляется важным социокультурным явлением. Оно служило объективным препятствием на пути выделения человека из естественной общности, персонализации его социальной роли, формирования его как личности, индивида. Оно, таким образом, затрудняло тот процесс, при котором, по словам Маркса, человек «обособляется как индивид... в результате исторического процесса»⁴¹. Иными словами, человек оставался здесь атрибутом «связующего единства», власти, ее «акциденцией» (термин Маркса)⁴². Его воля как неотъемлемая часть его личности присваивалась коллективом, персонифицированным в носителях власти. Вследствие этого происходило своеобразное опредмечивание (также в широком смысле!) человека — процесс, в котором способности человека, в частности его труд, переходили к коллективу и его персонификатору — власти и воплощались в них. Именно поэтому последние оказывались, по выражению Маркса, «человеческим предметом»⁴³, т. е. социокультурным явлением.

Каким же образом эта сторона владения становилась со временем основным его элементом? «Главное в волевом акте заключается в осознании ценностной характеристики цели действия, ее соответствия принципам и нормам личности. Для субъекта воли характерно не пе-

⁴¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 486.

⁴² Там же. С. 465.

⁴³ Там же. С. 121.

реживание „я хочу”, а переживание „надо”, „я должен”»⁴⁴. Понятно поэтому, что для присвоения личности, или для отчуждения воли человека, требовалось осуществлять необходимую деятельность, направленную на создание и поддержание соответствующих ценностных норм. Власть должна была формировать содержание императива «надо».

В доколониальной Африке такая деятельность власти объективно основывалась на религиозном сознании и мифологическом типе познания (картине мира) в целом, чем и объясняется ее ритуально-мистическая форма. Действительно, как было показано множеством исследователей, традиционное сознание непосредственно обуславливало нормальное воспроизводство общества стабильностью и, так сказать, «состоянием здоровья» верховной власти. Отсюда и описанные во множестве научных работ — как по Африке, так, впрочем, и по Древнему Востоку и другим районам земного шара — обожествление царя, с одной стороны, и умерщвление его (или принуждение к самоубийству) по достижении дряхлости или из-за болезни — с другой⁴⁵.

Данное явление имело и другую, весьма немаловажную сторону. Обожествление посетителя верховной власти давало некоторую «правовую» санкцию тому объективному положению, которое Маркс определял как «поголовное рабство», когда «отдельный человек... по сути дела, сам — собственность, раб того, в ком олицетворено единое начало общины»⁴⁶. Характерно, что «восточный» царь нередко действительно относился к своим подданным как к рабам и они сами признавали себя таковыми.

Итак, зарождение и развитие антагонистической социальной связи происходило в раннеклассовых обществах Тропической Африки в рамках модифицировавшихся отношений владения. Это обусловило сохранение системы угнетения, при котором условия воспроизводства отчуждались от человека прежде всего через присвоение его личности (отчуждение его воли), выступавшее в качестве важнейшего элемента антагонистического способа соединения производителей со средствами производства, т. е. способа производства. Можно поэтому полагать, что именно в рамках владения здесь зарождается и развивается отчуждение человека — «социальный процесс, присущий классово антагонистическому обществу и характеризующийся превращением деятельности человека в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему»⁴⁷.

Для античной и германской «форм собственности», в известной мере взорвавших свойственную предшествующей эпохе нерасчлененность земли и человека, была характерна прежде всего некоторая эмансипация человека как собственника средств и условий своего воспроизводства (обособление человека как индивида, выделение его из естественной общности), которая предопределила развитие антагонистической социальной связи в направлении присвоения не столько воли человека, сколько средств производства, прежде всего земли. В доколониальной же Африке на первый план выходила своеобразная эмансипация земли (частное присвоение, или субъективирование, земли знатью); человек здесь эмансипировался лишь как владелец другого человека.

Конечно, как писал Маркс, «в самом акте воспроизводства изменяются не только объективные условия... изменяются и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразо-

⁴⁴ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 90.

⁴⁵ См. Фрэйзер Дж. Золотая ветвь. М., 1983; Кочакова Н. Б. Рождение африканской цивилизации. Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея. М., 1986; Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986; Кацнельсон И. С. Напата и Мероэ — древние царства Судана. М., 1970; Дэвидсон Б. Африканцы. Введение в историю культуры. М., 1975; Вейнберг И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986. С. 115 сл. и многие другие работы.

⁴⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 482.

⁴⁷ Философский энциклопедический словарь. С. 472.

вывая самих себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык»⁴⁸. Все это было и в Африке. Однако здесь, меняясь, человек если и эмансипировался, то не в сторону лично свободного индивида — действительного собственника условий и средств своего воспроизводства. Он эмансипировался, превращаясь в эксплуататора, но оставаясь при этом лишь владельцем средств и условий производства, «акциденцией» коллектива и его персонификатора. Здесь, пользуясь словами Маркса, «отдельный член общины никогда не оказывается в таком свободном отношении к ней, в силу которого он мог бы утратить свою связь (объективную, экономическую) с ней. Он прочно прирос к ней»⁴⁹.

---

⁴⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 483—484.

⁴⁹ Там же. С. 484.